

В. К. ЩЕРБИН,
КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ СХЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ТЕКСТОВЫЕ СПОСОБЫ ИХ ЭКСПЛИКАЦИИ

Рассматриваются классификационные схемы социальной реальности: понятийные, процессуальные, дисциплинарные и проблемные. Раскрываются специфические текстовые способы экспликации каждого из названных типов схем. Обосновывается вывод о необходимости активизации в Республике Беларусь процессов выявления, описания и использования различных типов классификационных схем социальной реальности.

Classificational schemes of social reality are considered in the article: conceptual, procedural, disciplinary, and problem. Specific textual means of explication of each of the above-mentioned schemes are described. The conclusion is substantiated about the necessity of intensification of processes of detection, description and usage of different types of classificational schemes of social reality in the Republic of Belarus.

По оценкам специалистов, окружающая нас среда (физическая и социальная реальность) состоит из нескольких миллионов разнообразных (одушевленных и неодушевленных) предметов. Все это необозримое множество реалий материального мира стремительно увеличивается за счет ежедневно создаваемых человеком новых артефактов. Известный французский философ Ж. Бодрийяр по этому поводу заметил следующее: «В нашей городской цивилизации все быстрее сменяют друг друга новые поколения продуктов, приборов, “гаджетов”, в сравнении с которыми человек выступает как вид чрезвычайно устойчивый... Бытовые вещи (о машинах здесь речи нет) стремительно размножаются, потребностей становится все больше, процесс производства заставляет вещи рождаться и умирать все быстрее, в языке не хватает слов, чтобы их именовать»¹.

Если дополнить этот поистине неисчерпаемый материальный мир не менее разнообразным по своему составу миром абстрактных понятий, духовных явлений, процессов и иных репрезентантов нематериальной культуры, можно уверенно утверждать, что злободневной проблемой, которую каждому из нас приходится решать ежедневно, является проблема классификации или упорядочения бесчисленного множества окружающих нас предметов, понятий и тому подобных явлений в целях удобства пользования ими. Именно этим фактом обусловлено то, что как в науке, так и в обыденной жизни используемые нами «методы классификации, группировки и систематизации приобретают все большее значение»². В частности, австрийский философ К. Беккер считает, что «классификация играет решающую роль в восприятии, мышлении и языке и является важным фактором жизнедеятельности как таковой»³. Однако путь от еще нерасчлененной социальной реальности к ее упорядоченному использованию с опорой на научные методы классификации длителен и включает целый ряд промежуточных этапов: а) абстрагирования от социальной реальности (в процессе идеализации); б) формирования «рабочих» классификационных схем социальной реальности в виде гипотез; в) этап апробации этих схем; г) теоретического обоснования (теоретизации) «рабочих» схем и получения последними статуса совокупности научных понятий, тенденций, дисциплин, проблем и других теоретических конструктов.

К примеру, известный философ В. С. Стёпин считает, что подобные «схемы создаются вначале как гипотезы, а затем обосновываются опытом. Построение теоретических схем в качестве гипотез осуществляется путем перенесения абстрактных объектов из других областей теоретического знания и соединения этих объектов в новой “сетке отношений”»⁴. В процессе построения из таких заимствованных абстрактных объектов (понятий, схем, моделей

и т. п.) и отношений между ними теории соответствующего фрагмента социальной реальности В. С. Стёпиным выделяются два типа теоретических схем – фундаментальные и частные: «Развертывание теории всегда представляет собой создание на базе фундаментальных признаков и отношений абстрактных объектов теоретической схемы новых абстрактных объектов, признаки и корреляции которых фиксируются в системе соответствующих высказываний. Тогда можно представить, что в сети взаимосвязанных теоретических конструкторов, образующих содержание теории, выделена основная подсистема (фундаментальная теоретическая схема), остальные же конструкторы формируются вокруг нее по мере развертывания теории. Однако более детальный анализ показывает, что такое представление о содержательной структуре теории нуждается в дальнейшем уточнении и конкретизации. “Дочерние” (по отношению к фундаментальным) теоретические конструкторы тоже организованы в особые подсистемы, как и конструкторы, образующие фундаментальную теоретическую схему. Такие подсистемы могут быть независимы друг от друга и подчинены только фундаментальной теоретической схеме. Каждая такая подсистема характеризуется своей относительно выделенной в теории совокупностью высказываний и понятий, образующих особый раздел теории»⁵.

Как показывает знакомство с историей классификационной проблемы, в длительном и сложном процессе систематизации социальной реальности, помимо описанных В. С. Стёпиным фундаментальных и частных теоретических схем, выделялись и иные типы теоретических схем классификационного характера: «В “хороших”, устойчивых классификациях аккумулирован огромный исторический опыт человечества. В этом опыте в первую очередь отразились тысячелетние успехи и неудачи производственной деятельности, которые отложились в “народных” классификациях растений, животных, почв, минералов, рельефа и т. п. В них запечатлелся опыт педагогической деятельности, а до нее – механизмов передачи опыта, которые обусловили классификационную структуру первых систем знания, сложившихся стихийно именно в процессе передачи опыта. Религия, мифология, социальное устройство жизни людей, несомненно, внесли огромный вклад в классификационное мировосприятие современного человека. Классификация – синоним цивилизации!»⁶

Нет сомнений, что новые социальные явления, процессы и проблемы, непрерывно порождаемые окружающей нас социальной реальностью, требуют для своей систематизации новые типы классификационных схем. Актуальность их формирования лишней раз подчеркивается явно недостаточной разработанностью учения о классификации: «Расхождения в употреблении термина “классификация” в науке столь велики, что это дает основание говорить об отсутствии сколько-нибудь строгих и точных критериев, позволяющих отличать классификации от того, что ими не является... Если же попытаться отбросить все сомнительные случаи употребления термина “классификация”, когда у кого-то возникают возражения или даже просто сомнения в правомерности его употребления, то и в этом случае реальный набор явлений, стабильно именуемых классификациями, будет чрезвычайно широк и разнообразен, что создает большие сложности для некоторого единообразного описания классификации. Даже по форме выражения это будут очень разные явления, начиная с всевозможных таблиц и графических схем и кончая слитными кусками текста очень разного объема: от одного небольшого высказывания до многотомных изданий»⁷.

На наш взгляд, в зависимости от статуса ключевого теоретического конструктора (понятие, процесс, предметная область или проблема), который кладется в основу той или иной классификационной схемы, можно выделить следующие типы классификационных схем:

- 1) понятийные схемы;
- 2) процессуальные схемы;

- 3) дисциплинарные схемы;
- 4) проблемные схемы.

Каждый из перечисленных выше типов классификационных схем имеет специфические способы экспликации.

Понятийные классификационные схемы

Поскольку «первоначальной формой развития науки была система научных знаний, которая стихийно складывалась в течение нескольких тысячелетий в результате обобщения отдельных видов практической деятельности людей»⁸, то вполне естественным выглядит тот факт, что первыми из перечисленных выше типов схем были выделены понятийные классификационные схемы, которые в максимальной степени коррелируют с исторически сложившейся системой научных знаний. Именно данный тип схем распространяется в настоящее время и наиболее широким набором текстовых способов экспликации.

Так, первые понятийные классификации (в виде идеографических и тематических словарей, т. е. словарей идей и тем) были созданы еще в древности: «Уже во II в. нашей эры был создан идеографический словарь “Ономастикон” Ю. Поллукса, впервые опубликованный в 1502 г. в Венеции. В 1798 г. в Риме издается созданный на рубеже II–III вв. замечательный санскритский словарь “Амаракоша”, что в переводе на русский язык означает ‘сокровищница Амара’. Данный словарь содержит более 10 000 слов, объединенных по темам и записанных в форме стихов. Эти и ряд последующих тематических словарей были во многом несовершенными в логическом отношении классификациями слов. Однако именно они подготовили почву для издания в 1852 г. первого идеографического словаря П. М. Роже под названием “Тезаурус английских слов и выражений”»⁹. Представленные в этих словарях понятийные классификации отражают прагматический опыт систематизации социальной реальности. К концу XIX в. научное познание социальной реальности развилось до такой степени детализации, что потребовалось создание понятийных классификаций более высокого (научного) уровня абстрагирования.

Как справедливо заметил по этому поводу А. Соломоник, выражаемые словами «понятия имеют тенденцию вступать в ряды и иерархии от менее отвлеченных к более абстрактным. На этом пути обычный прагматический опыт очень скоро теряет свою силу. Чтобы строить такие ряды, человечество нуждается в формальной логике и науке. Лишь пользуясь научными методами анализа, дедукцией и обобщением, можно вывести следующие за конкретными абстрактные понятия. Тогда они становятся еще и концептами»¹⁰. Выявляемые в рамках различных наук ключевые абстрактные понятия (концепты) со временем стали объединять в рамках всевозможных концептосфер, научных картин мира, дисциплинарных концептологий и классификаций концептов. Структуру взаимоотношений между указанными типами понятийных классификаций М. Я. Блох представляет следующим образом: «Концепты, как известно, объединяются в концептосферы, то есть в ассоциативные множества концептов, относящихся к определенным участкам мира, отраженным сознанием... Значит, картину мира в этом смысле можно определить как совокупность концептосфер»¹¹. Что же касается понятийных классификаций социальной реальности, создаваемых в рамках различных дисциплинарных концептологий, то их описанию посвящалась статья, опубликованная автором в журнале «Социология» в 2011 г. № 2¹². В наиболее полном виде существующие в настоящее время понятийные классификационные схемы социальной реальности отражены в разнотипных понятийных и информационно-поисковых тезаурусах¹³, словарях концептов и ключевых слов¹⁴, других справочных изданиях (к числу последних следует отнести и предметные указатели, которыми порой обеспечиваются книжные издания научного и учебного характера).

К сожалению, как показывает отечественный опыт, практическое использование понятийных классификационных схем (в виде предметных и именных указателей, индексов терминов и т. д.) на постсоветском пространстве еще не стало неотъемлемым компонентом каждого печатного издания. У нас порой даже многотомные энциклопедические издания¹⁵ не имеют указателей и индексов, в то время как в издательской практике развитых стран мира книга без указателя является буквально «белой вороной»¹⁶. Польский исследователь М. Ванькович назвал перечень книг, главным образом исторических и мемуарных, изданных без указателей, показателем преступления в культуре¹⁷. Именно изучение опыта регулярного использования понятийных классификационных схем в печатных изданиях развитых стран мира дало нам основания сделать следующий весьма значимый для социокультурной практики Беларуси вывод: «Каждый вновь создаваемый линейный текст должен в обязательном порядке сопровождаться соответствующим нелинейным текстом (указателем, индексом, «поясняющим» словарем и т. п.)»¹⁸.

Процессуальные классификационные схемы

По нашим наблюдениям, процессуальные классификационные схемы сегодня используются для систематизации тех социальных процессов и явлений, которые имеют временную протяженность в прошлом, настоящем и будущем. В частности, к числу схем данного типа можно отнести разнообразные перечни тенденций, микро-, макро- и мегатенденций, трендов, направлений, мегатрендов и других когнитивных структур, которые используются обычно при составлении прогнозов. В современной справочной литературе «насчитывается до двухсот методов прогнозирования, разработанных еще в 1960-е гг., но на практике применяется лишь несколько из них»¹⁹. При этом особой популярностью у отечественных и зарубежных исследователей будущего пользуется подход, направленный на выявление и экстраполяцию тенденций. Американский футуролог Г. Т. Молитор считает, что «исследование тенденций развития – не единственный способ прогнозирования будущего, однако именно оно вызывает наибольшее доверие»²⁰. Гносеологические истоки такого доверия к результатам изучения всевозможных тенденций по-разному раскрываются в работах отечественных и зарубежных исследователей.

К примеру, необходимость выявления и использования описываемых мегатрендов американский футуролог Дж. Нейсбит обосновывает так: «В мире, где события и идеи анализируются до полного омертвления, где сложность растет гигантскими шагами, где информационный шум так громок, что его приходится перекрикивать, если мы хотим друг друга услышать, нам очень не хватает структуры. С помощью простой схемы мы можем начать понимать в мире смысл»²¹. В свою очередь, белорусский социолог Л. Г. Новикова считает наиболее сильной стороной исследуемых тенденций отражение в них «тех социальных моментов, которые еще пребывают в становлении, представляют собой ростки будущего. Опираясь на выявленные социальные тенденции, исследователь может смоделировать ожидаемые явления и процессы – то, что существует сегодня в латентном состоянии или проявляется в виде отдельных симптомов, представить в закономерных, развившихся формах, показать их как актуальные и требующие общественного внимания»²². Именно бесспорными достоинствами указанных выше процессуальных классификационных схем (мегатрендов, тенденций и др.) обусловлено то, что сегодня их нахождением, описанием и использованием занимаются не только ученые, представители государственных органов управления, журналисты, сотрудники аналитических и консалтинговых центров, но и специальные отделы по отслеживанию тенденций, созданные в ряде крупнейших производственных компаний мира (Coca-Cola и др.)²³.

Сегодня наиболее распространенными способами экспликации процессуальных классификационных схем выступают печатные издания разных жанров: научные статьи, монографии, справочные издания и т. п. В частности, содержание ряда научных статей целиком посвящено детальному описанию таких разновидностей процессуальных классификационных схем, как тенденция к лексикографической параметризации языка²⁴, тенденция к демократизации²⁵, тенденция к постиндустриализации²⁶, тенденция «перетекания» властных полномочий от государств к наднациональным и транснациональным структурам²⁷ и др. Жанр монографии позволяет эксплицировать особенности целого ряда процессуальных классификационных схем, объединяемых рамками той или иной предметной области: тенденции развития национальных отношений²⁸, новейшие тенденции зарубежной социологии²⁹, тенденции развития психологической науки³⁰, главные тенденции нашего времени³¹, мегатренды мирового развития³², мегатренды развития американского общества³³, тенденции глобализации³⁴, экономические тенденции³⁵, вековые тренды российской экономики³⁶ и др. Наконец, подробные описания основных процессуальных классификационных схем, характеризующих ту или иную предметную область, сегодня можно найти и в справочной литературе: тенденции развития рынка сельскохозяйственных продуктов³⁷, тенденции развития мировой социологии³⁸, BISS Trends³⁹ и др.

К сожалению, далеко не всегда процессуальные классификационные схемы, уже эксплицированные в печатных изданиях разных жанров, учитываются в процессе прогнозирования и долгосрочного планирования народно-хозяйственного и социокультурного развития. Еще до распада СССР отечественные специалисты в области промышленной политики открыто писали о том, что «тенденции развития СССР идут вразрез с тенденциями развития промышленно развитых капиталистических стран, поскольку в СССР продолжают развиваться отрасли промышленности, связанные с добычей и переработкой природного сырья, что отражается в структуре патентной статистики. Наряду с этим вторичная переработка в нашей стране развивается явно медленными темпами, что предопределяет низкую по сравнению с другими странами изобретательскую активность в области химии»⁴⁰.

Однако к доводам ученых о необходимости учета мировых тенденций информатизации, компьютеризации и роботизации производства при формировании отечественной промышленной политики советское руководство не прислушалось, слепо уповая на позитивный отечественный опыт форсированной индустриализации, что и явилось одной из главных причин поражения СССР в «холодной войне». Жизненная же необходимость преодоления инерционности отечественных научно-технических заделов и промышленных тенденций осознавалась советскими экономистами еще в середине 1980-х гг.: «Эти тенденции и заделы несут на себе отпечаток прошлых социально-экономических условий. Если же эти условия изменились, то нет никаких оснований искать решение новых народно-хозяйственных проблем на базе сложившихся тенденций развития науки и техники»⁴¹.

Задумываясь о причинах столь низкого коэффициента полезного действия выявленных процессуальных классификационных схем (тенденций, трендов, прогнозов и т. д.), используемых сегодня на постсоветском пространстве, нельзя не согласиться со следующим выводом известного российского прогнозиста Ю. В. Яковца: «В руки лиц принимающих решения, был дан инструментарий, позволяющий заранее “взвешивать” последствия еще только намечаемых решений и соответственно корректировать их. Скольких промахов, ошибок, бедствий удалось бы избежать в последние десятилетия, если бы к теоретическим достижениям технологического прогнозирования отнеслись более внимательно! Можно назвать только одну причину такой несуразности: извращенные отношения между сферами управления и предвидения, государством и подлинной наукой, рождающей новую парадигму»⁴². Более того,

по свидетельству главного редактора «Малой российской энциклопедии прогностики» И. В. Бестужева-Лады, «общий язык между управленцами и прогнозистами не найден до сих пор»⁴³.

Дисциплинарные классификационные схемы

В сравнении с процессуальными классификационными схемами несколько лучше обстоит дело в странах СНГ с выявлением и использованием дисциплинарных классификационных схем, в качестве ключевой единицы которых выступает предметная область (предмет исследования): «Все научные теории, как и науки в целом, могут классифицироваться прежде всего по предмету исследования, т. е. той области действительного мира, которую они изучают»⁴⁴. Создание и использование классификаций научных дисциплин имеет явное преимущество перед созданием и использованием классификаций научных теорий, поскольку основная единица таких классификаций (научная дисциплина) имеет более общий, системный и комплексный характер по сравнению с научной теорией.

В частности, В. С. Стёпин считает, что «в качестве исходной единицы методологического анализа структуры теоретического знания следует принять не отдельно взятую теорию в ее взаимоотношениях с опытом (как это утверждалось в так называемой стандартной концепции), а научную дисциплину. Структура знаний научной дисциплины определена уровневой организацией теорий разной степени общности – фундаментальных и частных (локальных), их взаимоотношениями между собой и со сложно организованным уровнем эмпирических исследований (наблюдений и фактов), а также их взаимосвязью с основаниями науки»⁴⁵.

Кроме того, по мнению И. Т. Касавина, «дисциплина есть фабрика знания, где оно производится по определенным стандартам, проходит проверку, упаковывается и направляется потребителю. Дисциплина есть также и, вероятно, прежде всего, условие финансирования науки из государственного бюджета и распределения финансовых ресурсов между научными направлениями, как скоро государственные структуры нуждаются в подобном им контрагенте – научной бюрократии. В этом смысле научная дисциплина – необходимая форма социального бытия науки как сферы профессионального производства, распределения и потребления знания в наше время»⁴⁶.

Тем не менее определенные сложности возникают и в процессе создания и использования классификаций научных дисциплин. Эти сложности обусловлены следующими двумя причинами:

1) стремительным количественным ростом перечня таких дисциплин. В конце XVIII – первой половине XIX ст., когда возникает дисциплинарная организация науки⁴⁷, общее количество научных дисциплин исчислялось несколькими десятками наименований. А в 1982 г. советский исследователь С. П. Смирнов уже писал о том, что в «теле» современной ему науки насчитывается около 1300 самостоятельных научных дисциплин и свыше 3000 специальностей⁴⁸. Спустя буквально несколько лет в изданном ЮНЕСКО классификаторе отраслей научных знаний⁴⁹ насчитывается уже около 2000 наименований научных дисциплин. Нет сомнения, что к настоящему моменту их количество значительно выросло;

2) трудностями разграничения многих традиционных и новейших научных дисциплин между собой. Эти трудности значительно возросли после недавнего формирования целого ряда междисциплинарных областей научных знаний, таких как когнитивистика, инноватика, науковедение, экология, синергетика и др. По мнению российского философа В. А. Колпакова, «для современной философии науки предположение о четком, дисциплинарном разделении наук, как об их естественном состоянии, представляется уходящим в прошлое»⁵⁰. В свою очередь, И. Т. Касавин считает, что «именно междисциплинарное (не предполагающее при этом жестких границ каждой во-

влеченной дисциплины) взаимодействие есть естественное состояние науки, предельным случаем которого являются относительно строгие дисциплинарные структуры, границы которых задаются не столько системами знания, сколько институциональными формами»⁵¹.

Наконец, в резолюции научной конференции «Междисциплинарность и организация знаний», которая состоялась в сентябре 1997 г. в Кембридже, утверждается: «Дисциплинарные “границы” в значительной степени являются артефактами существующей системы образования, которые не всегда соответствуют структуре знаний. Эти границы варьируют между научными учреждениями и странами. В некоторых случаях они являются результатами прошлых академических дискуссий, которые сохранили свою легитимность на десятилетия или даже столетия... В последние десятилетия важность изучения границ традиционных дисциплин оценивается все выше. Развитие такого изучения показывает, что старые дисциплинарные структуры в определенных отношениях были ограниченными и требовали своей модификации. Многие научные отрасли, чьи названия указывают на их междисциплинарное происхождение, теперь признаны полноправными дисциплинами (например, биохимия, астрофизика). То же происходит и с отраслями знаний, которые рассматривались как далёкие от общепризнанных творческих достижений (например, с ассоциацией многих дисциплин, включая гуманитарные, в когнитивных науках)»⁵².

Именно стремление международного научного сообщества максимально сблизить степень детализации используемой классификации научных дисциплин с уровнем дифференциации организационных структур науки переднего края может негативно сказаться на эффективности учебных программ средних школ: «Дифференциация научного познания, выявляющаяся в растущем числе дисциплин и специальностей... процесс, кажется, необратимый по причине неисчерпаемости “мира открытий” – совокупного предмета научного познания. Поэтому представительство дисциплинарных когорт... по причине ограниченной емкости перехода (10 учебных лет) может оказаться ненужным и нефункциональным балластом в головах взрослых, если оно напрямую (школьный учебник – исследовательская деятельность дисциплины) связано с дисциплинарной дифференциацией науки»⁵³.

На наш взгляд, преодолению перечисленных выше сложностей и трудностей в деле создания и использования дисциплинарных классификационных схем могут способствовать разработка и совершенствование текстовых способов экспликации таких схем. Сегодня основным способом такой экспликации дисциплинарных классификационных схем является публикация разнообразных классификаторов, рубрикаторов, номенклатур специальностей и других классификационных инструментов⁵⁴. В частности, проведенный нами поиск отечественных классификационных изданий указанных выше типов позволил получить перечень, включающий более сотни наименований таких работ. В их числе в первую очередь следует назвать следующие классификационные издания советского периода: Словарь предметных обозначений (рубрик) (М., 1929); Всесоюзная информационная классификация отраслей науки, техники и народного хозяйства (М., 1974); Классификатор свойств полимерных материалов (М., 1974); Рубрикатор генерального систематического каталога: общественные науки (М., 1979); Библиотечно-библиографическая классификация: таблицы для массовых библиотек (М., 1984); Рубрикаторы отраслей знания (наименования и коды рубрик). (Т. 1–2. М., 1985); Классификация научных направлений: естественные и общественные науки (2-е изд. М., 1986); Общесоюзный классификатор: профессии рабочих, должности служащих и тарифные разряды (2-е изд. М., 1991) и многие десятки других классификационных изданий разных типов.

Растущие потребности информационного поиска в сфере дисциплинарного знания, проводимого уже в рамках новых независимых государств, воз-

никших на основе республик бывшего СССР, обусловили выпуск значительного количества разнотипных классификационных изданий в разных странах СНГ. К примеру, в России к числу наиболее крупных по объему классификационных работ сегодня относятся следующие издания: электронный ГРНТИ (Государственный Рубрикатор НТИ России); электронный «Классификатор РФФИ»; электронная «Номенклатура специальностей научных работников (ВАК-2002/09)»; электронный «Рубрикатор ВИНТИ (текущий, 2013 г.)»; а также изданные в виде книг и приложений к ним: Общеправовой классификатор отраслей законодательства (в кн.: Ю. А. Тихомиров. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 251–283); Российский рубрикатор «Народное образование. Педагогика» (М., 1996); Библиотечно-библиографическая классификация: таблицы для массовых библиотек (М., 1999); М. А. Подобед. Управленческая документация. Классификатор (М., 2003). Более четкому определению границ дисциплинарного знания способствует также издание для нужд конкретных научных дисциплин специализированных энциклопедий. По свидетельству И. Т. Касавина, главного редактора «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (М., 2009), «подготовка специализированной энциклопедии, как правило, становится определенным шагом вперед в концептуализации и институционализации конкретной научной дисциплины»⁵⁵.

Ряд классификационных работ разных типов издан и в Республике Беларусь: Классификатор видов природоохранной деятельности и затрат на охрану окружающей среды (КВПОД) (Минск, 1997); электронная «Номенклатура специальностей научных работников Республики Беларусь» (последняя версия датирована 2012 г.); электронный Общегосударственный классификатор Республики Беларусь «Виды экономической деятельности (ОКРБ 005-2001)»; «Специальности и квалификации. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь (ОКРБ 011-2001) (Минск, 2002) и ряд других. Вместе с тем далеко не все отрасли знаний в Республике Беларусь удалось упорядочить и систематизировать путем создания соответствующих классификационных работ. К примеру, в нашем государстве до настоящего времени отсутствует исчерпывающий классификатор научных направлений. Для сравнения: в Российской Федерации электронный ГРНТИ пришел на смену советскому справочнику «Классификация научных направлений: естественные и общественные науки» (М., 1986) уже в начале 1990-х гг., а в Украине классификатор подобного типа («Государственный классификатор Украины: классификация видов научно-технической деятельности») издан в 1998 г.

По мнению члена-корреспондента РАН Г. Р. Иваницкого, наличие или отсутствие в стране таких рубрикаторов и классификаторов научных направлений, а также их неполнота реально влияют на объем финансирования отечественной науки: «Природа едина, а деление наук по рубрикам всегда условно. На первый взгляд, какая разница, как делить единую науку на области знания и как их называть. Но на практике оказывается, что результат этого деления влияет на развитие различных областей естествознания. Здесь во все века не последняя роль принадлежала чиновникам, через которых шло финансирование науки. Нет такой науки в рубрикаторе и нет финансирования, нет и поощрений (симпозиумов и конгрессов, премий и медалей, академиков и журналов, общественного интереса и грантов). Поэтому ближайшие соседи по рубрикатору всегда пытались удержать и расширить свои границы»⁵⁶.

Ускорить процесс создания исчерпывающих отечественных классификаторов и рубрикаторов для различных отраслей знаний, по мнению отдельных ученых, можно путем более широкого использования международного опыта систематизации предметного содержания таких отраслей⁵⁷, а также путем проведения так называемой гармонизации классификаторов, т. е. «установления необходимого соответствия состава, структуры и содержания национальных классификаторов с классификаторами, разработанными междуна-

родными организациями. <...> Отражение национальных особенностей стран осуществляется по правилам или рекомендациям, установленным международными организациями»⁵⁸. Хотя опыт юридически обоснованного использования разработчиками «Номенклатуры специальностей научных работников Республики Беларусь» аналогичной российской Номенклатуры показал, что «такая “зависимость” белорусской Номенклатуры от российской решает внешние проблемы классификации, связанные с размерностью (российские специалисты определяют количество специальностей), однако привносит вопросы неопределенности и организационные проблемы»⁵⁹.

Проблемные классификационные схемы

Наименее разработанными и по этой причине малоиспользуемыми в настоящее время являются проблемные классификационные схемы. Считается уже доказанным, что «постановка проблемы определяет направление научного поиска, а нередко магистральный путь развития целой научной отрасли. Проблема является таким же необходимым компонентом в структуре развивающейся науки, как и теория, гипотеза, факт, метод и т. д.»⁶⁰. В пользу данного вывода свидетельствуют высказывания известных отечественных и зарубежных исследователей. Например, лауреат Нобелевской премии по физике академик Л. Д. Ландау считал, что «в своей сущности наука есть деятельность по разрешению проблем»⁶¹. В свою очередь, британский ученый и общественный деятель Г. Тизард так оценивал роль научных проблем в развитии науки: «Секрет науки состоит в том, чтобы уметь задавать правильные вопросы, и скорее выбор проблем, чем что-либо иное, отличает гения в научном мире»⁶².

При этом далеко не все научные проблемы столь значимы для развития науки. По мнению российского философа А. И. Ракитова, «особую и притом чрезвычайно важную роль в системе знаний, образующих любую науку, играют ключевые системообразующие проблемы и задачи»⁶³. В целях изучения таких ключевых проблем науки «на стыке логики, методологии, психологии, кибернетики, педагогики рождается новая область знаний – общая теория проблем и механизмов их постановки и решения, которая уже получила весьма емкое и удачное название (кажется, с легкой руки киевских кибернетиков) – проблемология»⁶⁴.

Вместе с тем классификационные возможности ключевых проблем науки активно используются не только проблемологами, но и представителями давно сложившихся научных дисциплин. К примеру, в рамках методологии науки Б. Г. Юдиным делается попытка разграничить естественные и общественные науки путем использования предельных проблем, конституирующих их статус. В частности, естественные науки, по его мнению, достаточно полно характеризуются постановкой двух предельных проблем: «Что есть природа?» и «Что есть жизнь?», а общественные науки – постановкой проблемы «Что есть общество (или человек, или деятельность, или культура, или язык, или дух и т. п.)?»⁶⁵. Поэтому полностью обоснованным, на наш взгляд, является выделение в современных учебниках по методологии научного познания и социологии науки отдельных глав, посвященных научной проблеме⁶⁶.

К настоящему времени ни для одной научной дисциплины пока не сформирован исчерпывающий перечень ее ключевых, наиболее актуальных проблем. В свое время создатель классического учения о стрессе канадский профессор Г. Селье писал по этому поводу следующее: «По-видимому, никто и никогда не напишет исчерпывающее исследование всех проблем экспериментальной медицины»⁶⁷. И тут же добавлял: «Мы находимся на заре того, что, несомненно, войдет в историю как Век Фундаментальных Исследований. Наверное, нам стоит чуть приостановиться и попытаться сформулировать основные проблемы, с которыми нам придется теперь иметь дело»⁶⁸.

Более того, отдельные представители, к примеру, социологической науки считают, что «эффективная “интервенция” в актуальные проблемы современных обществ наверняка принесет социологии авторитет в обществе и научной среде, умножит ресурсы для ее дальнейшего роста»⁶⁹. Следовательно, выявление и классификация таких проблем для любой научной дисциплины – весьма актуальная познавательная задача. Причем сформулирована была эта задача академиком В. И. Вернадским еще в начале XX в.: «В наше время рамки *отдельной науки*, на которые распадается научное знание, не могут точно определять область научной мысли исследователя, точно охарактеризовать его научную работу. Проблемы, которые его занимают, все чаще не укладываются в рамки отдельной определенной, сложившейся науки. Мы специализируемся не по наукам, а по проблемам»⁷⁰.

Однако о «переходе от изучения предметов к изучению проблем»⁷¹ отечественные исследователи широко заговорили только в 1980-е гг. Были проанализированы генетические и структурные характеристики научной проблемы, выявлены и описаны отличия между научными и социальными проблемами, между реальными проблемами и псевдопроблемами, между проблемами, вопросами, задачами и противоречиями в науке⁷². Именно углубленный логико-методологический анализ феномена научной проблемы позволил отечественным философам науки дать комплексное объяснение явления междисциплинарности в науке.

В частности, «междисциплинарное взаимодействие философией науки понимается не как простое заимствование, а как проблематизация конкретных ситуаций реального научного исследования. Философия науки предлагает ученому взглянуть на возникающие затруднения с более общей точки зрения, как бы погружая конкретную познавательную проблему в самые различные научные и социокультурные контексты. Тем самым методолог подводит ученого к идее многообразия ресурсов и подходов в решении проблем. Он как бы подготавливает стадию методологического синтеза, предшествующего построению нового научного направления исследований. Междисциплинарность в таком случае – не синтез, а приглашение к методологической коммуникации. В таком случае синтез на деле осуществляется *проблемой, а не дисциплиной, и не означает перехода к некой новой единой науке*»⁷³.

Однако если в результате изучения крупной научной или народно-хозяйственной проблемы не формируется новая научная дисциплина или новая единая наука, то как назвать то, что появляется благодаря междисциплинарному изучению такой проблемы? По мнению А. И. Ракитова, тот вид научных исследований, которые носят проблемный или задачный характер, можно назвать синтагматической наукой⁷⁴. В отличие от «нормальной науки», которую описывал Т. Кун и в основе которой лежит понятие «парадигмы, позволяющей кодифицировать результаты наблюдений и экспериментов, применяемые методы и открываемые закономерности как научные»⁷⁵, в основе синтагматической науки лежит понятие синтагмы.

Данное ключевое для синтагматической науки понятие А. И. Ракитов определяет следующим образом: «Синтагма (от греч. “построенное вместе”) представляет собой систему научных знаний, ориентированных на решение прагматических задач. Синтагматически построенная система знаний должна удовлетворять условиям конструктивности, технологичности, конкурентоспособности и экономической целесообразности. Она должна соответствовать требованиям рынка научных услуг»⁷⁶. В полном соответствии с перечисленными выше свойствами такой синтагматической науки «подавляющее большинство современных исследований, синтезирующих отдельные “куски” знаний из совершенно различных монодисциплинарных отраслей, ориентированы на решение прагматических задач. И их главная ценность заключается в получении полезных результатов. Именно за полезность, экономическую и

социальную эффективность платят деньги налогоплательщики, бизнес и государство»⁷⁷.

Проблемно-задачным характером синтагматической науки обусловлены сложности с оценкой истинности ее результатов, отсутствие у нее устойчивых научных функций: «Синтагматическая система крайне разнородных знаний, продуцирующая, например, создание лекарственного препарата, не может быть оценена в качестве истинной с помощью концепции, принятой в какой-то одной из парадигматических дисциплин, конвертированных в систему синтагматических знаний. При этом следует четко понимать, что синтагматическая система возникает по мере постановки той или иной задачи, не решаемой средствами одной дисциплины, и исчезает или лишается своей актуальности после решения породившей ее задачи. Новое синтагматическое знание может в качестве более или менее значимого компонента использоваться и при решении других задач. Но какой-либо устойчивой парадигмальной функции оно не выполняет»⁷⁸.

Таким образом, в рамках синтагматической науки особую актуальность приобретает процесс выявления значимых научных и народно-хозяйственных проблем, в процессе решения которых в дальнейшем и строятся синтагматически ориентированные системы знаний. К сожалению, с формированием исчерпывающих перечней таких проблем, в силу их междисциплинарного характера, существуют определенные трудности, особенно в рамках конкретных, монодисциплинарных отраслей знаний. Тем не менее в отечественной и зарубежной научной, производственной и учебной литературе постепенно формируются текстовые способы экспликации проблемных классификационных схем, тем или иным образом характеризующих современную науку и народно-хозяйственную практику.

К примеру, в 1930–1960-х гг. распространенным явлением в СССР была публикация темников, которые представляли собой перечни нерешенных проблем той или иной отрасли производства⁷⁹. Однако по совершенно непонятным причинам в 1970–1980-е гг. практика публикации таких научно-производственных темников была прекращена. Видимо, они не «вписывались» в идеологические представления того времени об отсутствии каких-либо серьезных проблем у «развитого социализма». Между тем стимулирующий эффект от воздействия проблемного содержания темников на развитие отечественной научно-технической мысли того времени ни у кого не вызывал сомнений.

В отдельных зарубежных учебниках в конце глав приводятся не только понятийные классификационные схемы в виде перечней ключевых терминов, но и проблемные классификационные схемы в виде перечней ключевых проблем, обсуждавшихся в рамках таких глав⁸⁰. Для сравнения: в большинстве отечественных учебников в конце глав приводятся перечни контрольных вопросов информационного характера. Замена перечней ключевых проблем на перечни информационных вопросов в отечественной учебной литературе значительно упрощает поиск ответов на них для студентов, но снижает уровень проблемного обучения в вузах. В. Ф. Берков объясняет различия между проблемой и информационным вопросом следующим образом: «Ответ на информационный вопрос непосредственно получается из его основы путем замены неизвестной на некоторую константу, без логического преобразования предпосылок вопроса. Ответ же на задачу или проблему получается опосредованным путем, с преобразованием предпосылок по правилам выводов»⁸¹. Поэтому использование в учебном процессе всевозможных перечней контрольных вопросов информационного характера не отменяет необходимости выявления, описания и использования проблемных классификационных схем в различных учебных дисциплинах и прочих отраслях знаний.

При этом наиболее совершенным текстовым способом экспликации содержания той или иной ключевой, комплексной проблемы, по мнению

В. К. Солоненко, является – создание отдельной энциклопедии по данной проблеме: «Кстати, появление ряда справочников, в которых рассматривается одна, но крупная, комплексная проблема, – новая тенденция в энциклопедистике последних лет... Примером подобных изданий могут служить: словарь русской культуры Ю. С. Степанова «Константы» (Академический проект, 1997, 2001 г.), философско-энциклопедический словарь «Человек» (Наука, 2000 г.), энциклопедия «Глобалистика» (Диалог; Радуга, 2003 г.)»⁸².

Завершая анализ различных типов классификационных схем, с помощью которых упорядочивается окружающая нас социальная реальность, а также текстовых способов их экспликации, хотелось бы еще раз акцентировать внимание на следующих положениях данной статьи:

1. Разработка классификационных схем разных типов (понятийных, процессуальных, дисциплинарных, проблемных) для той или иной научной дисциплины или более широкой отрасли знаний способствует теоретическому развитию данной дисциплины или отрасли знаний, придавая ей системный статус. По мнению А. Соломоника, «система любой отрасли знания (любой науки) – это цельная конструкция данной науки, включающая ее таксономию и классификационные схемы, а также пояснения к ним»⁸³.

2. Созданные классификационные схемы разных типов оказывают систематизирующее воздействие на окружающую нас социальную реальность только в том случае, если надлежащим образом разработаны и активно используются в повседневной практике различные текстовые способы их экспликации (понятийные словари и тезаурусы; монографические и словарные описания тенденций, трендов и мегатрендов; дисциплинарные классификаторы и рубрикаторы, алфавитные и предметные указатели; перечни ключевых проблем и энциклопедии по отдельным, комплексным проблемам).

3. При этом нас не должно смущать разнообразие текстовых способов экспликации классификационных схем (от простых перечней ключевых понятий, тенденций, дисциплин и проблем до весьма значительных по объему энциклопедических справочников, посвященных отдельным научным дисциплинам, комплексным проблемам и т. д.). В конечном итоге за всеми этими вариативными формами экспликации классификационных схем стоит одна и та же социальная реальность, по-разному отражаемая создателями таких схем и способов их экспликации. Максимально полный учет различных подходов к отражению социальной реальности, по мнению Е. Тюгашева и Ю. Попкова, как раз и позволяет социологической науке сформировать свою парадигму теоретической деятельности: «Как и всякая специализированная духовная деятельность, социология разрабатывается для решения практически актуальных задач, а ее базовые концептуальные схемы образуются путем обобщения и систематизации содержания сознания субъекта массовой социальной практики. Конфигурация практической деятельности социального субъекта и задает логику концептуальной схемы исследователя, т. е. выступает практической парадигмой теоретической деятельности»⁸⁴. Об этом всегда должен помнить настоящий ученый.

¹ Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. М., 1995. С. 3.

² Щапова Ю. Л. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М., 2000. С. 25.

³ Беккер К. Словарь тактической реальности: Культурная интеллигенция и социальный контроль / пер. с англ. М., 2004. С. 124.

⁴ Стёпин В. С. Становление научной теории (Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики). Минск, 1976. С. 301.

⁵ Стёпин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 124–125.

⁶ Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986. С. 215.

⁷ Там же. С. 17.

- ⁸ Щербин В. К. Общее науковедение и этапы развития научного самопознания // Социология. 2005. № 1. С. 28.
- ⁹ Щербин В. К. Вселенная в алфавитном порядке: Словари – вчера, сегодня, завтра. Минск, 1987. С. 66.
- ¹⁰ Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. 2-е изд. Минск, 2002. С. 227.
- ¹¹ Блох М. Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель. XXI век. 2007. № 1. С. 101.
- ¹² См.: Щербин В. К. Социологическая концептология: проблемы и перспективы развития // Социология. 2011. № 2. С. 18–42.
- ¹³ См., например: Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2009; Корчажкина О. М. Информационно-поисковый тезаурус ИНИОН РАН по науковедению: наука и образование // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 167–170 и др.
- ¹⁴ См., например: Swedberg R. The Max Weber Dictionary: Key Words and Central Concepts. Stanford, 2005; Roberts K. Key Concepts in Sociology. Houndmills; New York, 2009 и др.
- ¹⁵ См., например: Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. Мінск, 1996–2004; Республика Беларусь: энциклопедия: в 7 т. Минск, 2005–2008 и др.
- ¹⁶ См.: Призмент Э. Л. Вспомогательные, но необходимые: Об указателях к содержанию новых книг // Книжное дело. 1995. № 1. С. 59.
- ¹⁷ Цит. по: Кнігі ці кружэлкі // Наша Нива. 1996. 17 чэрв. С. 16.
- ¹⁸ Щербин В. К. Словарные истоки практики нелинейного письма // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4. 2003. № 2. С. 33.
- ¹⁹ Малая российская энциклопедия прогностики. М., 2007. С. 122.
- ²⁰ Молитор Г. Т. Новое тысячелетие: тренды и прогнозы: пер. с англ. // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999. М., 2000. С. 373.
- ²¹ Нейсбит Дж. Мегатренды / пер. с англ. М., 2003. С. 20.
- ²² Новикова Л. Г. Социология как судьба: избранное. Воспоминания коллег / отв. ред. А. Н. Данилов. Минск, 2012. С. 74.
- ²³ См.: Белл Т. Использование макротенденций // Профессиональный перевод и управление информацией. 2012. № 5. С. 9.
- ²⁴ См.: Караулов Ю. Н. Об одной тенденции в современной лексикографической практике // Русский язык. Проблема художественной речи. Лексикология и лексикография (Виноградовские чтения. IX–X). М., 1981. С. 139–153.
- ²⁵ См.: Мельвиль А. Ю. Демократизация как глобальная тенденция? // Глобальные социальные и политические перемены в мире. М., 1997. С. 99–123.
- ²⁶ См.: Мигас В. В. Постиндустриализация как ведущая тенденция современного мирохозяйственного развития // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. науч. тр. / под ред. В. М. Руденкова. Минск, 2003. С. 162–177.
- ²⁷ См.: Гонтмахер Е. Ш., Загладин Н. В. Государство на службе глобализации. Как сочетаются базовые тренды современности // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 20–31.
- ²⁸ См.: Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972.
- ²⁹ См.: Буржуазная социология на исходе XX века: критика новейших тенденций / отв. ред. В. Н. Иванов. М., 1986.
- ³⁰ См.: Тенденции развития психологической науки / отв. ред. Б. Ф. Ломов, Л. И. Анцыферова. М., 1989.
- ³¹ См.: Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / пер. с англ. М., 1997.
- ³² См.: Мегатренды мирового развития / под ред. М. В. Ильина, В. Л. Иноземцева. М., 2001.
- ³³ См.: Нейсбит Дж. Указ. соч.
- ³⁴ См.: Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / пер. с англ. М., 2003.
- ³⁵ См.: Иноземцев В. Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003.
- ³⁶ См.: Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006.
- ³⁷ См.: Продовольственная безопасность: термины и понятия: энциклопедический справочник. Минск, 2008.
- ³⁸ См.: Романовский Н. В., Тощенко Ж. Т. О тенденциях развития социологии в современном мире // Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2009. С. 466–478.

- ³⁹ См.: BISS Trends // Белорусский ежегодник, 2010: Сборник обзорных и аналитических материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2010 г. Минск, 2011. С. 366–433.
- ⁴⁰ Тенденции развития крупных направлений научно-технического прогресса в промышленно развитых странах (Патентно-статистический обзор). М., 1989. С. 14.
- ⁴¹ Анчишкин А. И. Наука, техника, экономика. М., 1986. С. 340.
- ⁴² Яковец Ю. В. Искусство научного предвидения: доктрины, технологии, сценарии // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4. С. 113.
- ⁴³ Бестужев-Лада И. В. Глобальный технологический прогноз на XXI век // Малая российская энциклопедия прогнозистики. М., 2007. С. 306.
- ⁴⁴ Рузавин Г. И. Методология научного познания: учеб. пособие для вузов. М., 2005. С. 85.
- ⁴⁵ Стёпин В. С. Указ соч. М., 2000. С. 706.
- ⁴⁶ Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 64.
- ⁴⁷ См.: Стёпин В. С. Указ соч. С. 87.
- ⁴⁸ См.: Смирнов С. Н. Становление междисциплинарного облика науки будущего // Будущее науки. М., 1982. Вып. 25. С. 245.
- ⁴⁹ См.: Proposed international standard nomenclature for fields of science and technology / UNESCO, 1989. Mode of access: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008000829/082946eb.pdf>.
- ⁵⁰ Колпаков В. А. О природе кризиса современной экономической теории и путях его преодоления // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. V. № 3. С. 57.
- ⁵¹ Касавин И. Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II. № 2. С. 7.
- ⁵² InterDisciplinarity and the organization of knowledge in Europe // Academia Europaea. 1998. № 1. P. 2.
- ⁵³ Петров М. К. Системные моменты тезаурусной характеристики современного развитого общества и возможные пути ее оптимизации // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1989–1990. М., 1991. С. 230–231.
- ⁵⁴ См.: Шчэрбін В. К. Класіфікаторы навуковых напрамакаў як сродак сістэматызацыі гуманітарных ведаў // Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе XX стагоддзя. Мінск, 1998. С. 557–567.
- ⁵⁵ Касавин И. Т. Введение о замысле «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 3.
- ⁵⁶ Иваницкий Г. Р. Круговорот. Общество и наука / отв. ред. А. Б. Медвинский. М., 2005. С. 68.
- ⁵⁷ См.: Андриевский Р. Класс классификации. Неюбилейные заметки к десятилетию РФФИ // Поиск. 2002. 15 февр. С. 9.
- ⁵⁸ Гавриленко В. Г., Никитенко П. Г., Ядевич Н. И. Экономика // Большой энциклопедический словарь: в 3 т. Минск, 2002. Т. 1. С. 425–426.
- ⁵⁹ Морозевич А. Н., Гулько Н. В. Классификация научной деятельности: проблемы реализации // Атэстацыя. 2000. № 4. С. 4.
- ⁶⁰ Берков В. Ф. Логико-методологический анализ научной проблемы... Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Минск, 1980. С. 3.
- ⁶¹ Landau L. Progress and its Problems. Towards a Theory of Scientific Growth. Berkeley, 1977. P. 11.
- ⁶² Цит. по: Мирский Э. М. Проблемное обучение и моделирование социальных условий научного творчества // Научное творчество / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского. М., 1969. С. 410.
- ⁶³ Ракитов А. И. Синтагматическая революция (50 лет спустя) // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 104.
- ⁶⁴ Берков В. Ф. Структура и генезис научной проблемы. Минск, 1983. С. 9.
- ⁶⁵ См.: Юдин Б. Г. Методологическая характеристика процессов взаимодействия наук // Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М., 1981. С. 180–181.
- ⁶⁶ См., например: Научная проблема – исходный пункт исследования // Г. И. Рузавин. Методология научного познания: учеб. пособие для вузов. М., 2005. С. 22–38; Научная проблема – фактор развития науки // Е. М. Бабосов. Социология науки. Минск, 2009. С. 41–57.
- ⁶⁷ Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым / пер. с англ. М., 1987. С. 15.
- ⁶⁸ Там же. С. 16.
- ⁶⁹ Романовский Н. В. Социология сегодня и завтра // Социс. 2012. № 10. С. 128.
- ⁷⁰ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Кн. 2: Научная мысль как планетное явление. М., 1977. С. 89.

- ⁷¹ Природа моделей и модели природы / под ред. Д. М. Гвишиани, И. Б. Новика, С. А. Пегова. М., 1986. С. 136.
- ⁷² См.: Берков В. Ф. Указ. соч. Минск, 1983.
- ⁷³ Колпаков В. А. Указ. соч. С. 57.
- ⁷⁴ См.: Ракитов А. И. Указ. соч. С. 105.
- ⁷⁵ Там же. С. 101–102.
- ⁷⁶ Там же. С. 100.
- ⁷⁷ Там же. С. 106–107.
- ⁷⁸ Там же. С. 107.
- ⁷⁹ См., например: Темник по рабочему изобретательству. Гомель, 1931; Тэмнік рабoчых прапанoў па друкарні імя Сталіна. Мінск, 1932; Темник «узких мест» в производстве. Минск, 1959; Темник для изобретателей и рационализаторов на 1960 год. Минск, 1960; Темник рационализатора. Минск, 1960 и др.
- ⁸⁰ См., например: Fischer S., Dornbusch R., Schmalensee R. Introduction to Macroeconomics. 2nd ed. New York, 1988.
- ⁸¹ Берков В. Ф. Логико-методологический анализ научной проблемы... С. 19–20.
- ⁸² Солоненко В. К. Словарно-энциклопедические издания по философии в России // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 184.
- ⁸³ Соломоник А. Семиотика и теория познания. М., 2012. С. 34.
- ⁸⁴ Тюгашев Е., Попков Ю. Метопарадигмальный синтез современной социологии: возможное и невозможное // Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований / под ред. С. И. Григорьева, Ж. Коэн-Хуттера. 3-е изд. М., 1999. С. 348–349.

Поступила в редакцию: 17.11.12.

А. П. ЛИМАРЕНКО,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

ДЕНЬГИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматриваются исторические, методологические и теоретические проблемы социологии денег в контексте развития современной стадии капиталистического общества – финансового капитализма. Анализируя процесс предметного самоопределения социологии денег как отраслевой социологической дисциплины, автор предлагает дополнить институциональный подход к исследованию денег и денежных систем онтологическим подходом, направленным на изучение денег в качестве финансового капитала, как объекта и субъекта базовых социальных отношений современных обществ.

To study historical and methodological money sociology problems in the context of such a modern stage of capitalist society development as financial capitalism. Analyzing the process of money sociology self-regulation as a branch of sociological subject, the author offers to complete an institutional approach to money and monetary system research with an ontological approach aimed at research of money as financial capital.

Цивилизация и деньги развивались параллельно. Деньги – универсальный инструмент социального обмена, платформа многих форм социальных отношений. Проникая во все сферы общественной жизни, деньги, однако, не рассматривались как социологическая категория. «Проводившиеся социологические исследования по этой теме носят преимущественно описательный характер, ограничиваются рассмотрением известных внешних форм денег и деятельности кредитных институтов»¹. Положение стало меняться лишь в последние десятилетия. Стало понятно, что без учета «фактора денег» невозможен полноценный социологический анализ не только современного общества, но и научная интерпретация важнейших событий европейской и мировой истории. Были опубликованы исследования, в рамках которых по-